

УДК 821.161.1(092)

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В РАССКАЗАХ Е.Д.АЙПИНА

© Ю.А.Гаврилюк

В статье проводится сравнительное изучение особенностей повествовательной структуры в рассказах Е.Д.Айпина. Отмечается, что тенденция к индивидуализации, субъективности изложения наблюдается в произведениях, относящихся к позднему периоду творчества хантыйского прозаика. Данный факт связан с постсоветским состоянием художественного сознания, обусловленным процессами развития младописьменных литератур севера Западной Сибири.

Ключевые слова: рассказ, повествовательная структура, повествователь, рассказчик, традиционная культура, связь.

Своеобразие художественного произведения во многом определяется спецификой его повествовательной структуры. В ее исследовании учитывается и определение типа субъекта повествования, и выявление в тексте субъектно-речевых планов повествователя и героя, их соотношение и роль в композиции произведения [1: 199-201]. Б.А.Успенский определяет зависимость характера повествования от «точки зрения» и способов ее передачи [2: 31]. При этом должна быть последовательно учтена принадлежность творчества прозаиков младописьменных литератур севера Западной Сибири (ненцы, манси, ханты) к традиционалистской фазе развития литературы и соответствующей ей эйдической поэтике [3: 123-124].

В данной работе анализируются все рассказы хантыйского прозаика, входящие в состав цикла «Время дождей» (1995) и книгу «Река-в-Январе» (2007). Повествовательную структуру в большинстве рассказов цикла «Время дождей» характеризует наличие неличного повествователя. Исключения составляют 4 рассказа, где события передаются от лица их участников. В рассказе «Русский Лекарь» основным повествователем, помимо безличного, оформляющего начало и конец рассказа в примечаниях, является Осип Сопочин, коренной житель глухой хантыйской глубинки, человек особого мироощущения, ориентированного на традиционные ценности. Беды, которые причинило ему пришлое население, осваивающее тайгу и ее ресурсы, прежде всего являются трагедией для всего рода Сопочиных. Уничтожение родовых угодий, гибель детей предвещает гибель рода. Рассказчик в «Медвежьей горе» не случайно заменяет форму местоимения «я» на «мы», подчеркивая тем самым принцип взаимосвязи, отмеченный В.Н.Адаевым в качестве основного регулятора модели поведения в традиционной угорской культуре [4: 200].

Другая особенность нарративной структуры рассказов хантыйского прозаика – доверительная интонация повествователя, рассказывающего о самом сокровенном. Особенно это заметно в отмеченных четырех текстах, фиксирующих рассказчика. Так, в тексте «Осень в Твоем городе» особо акцентировано эмоциональное состояние, выражающее безграничную и неугасающую любовь героя к героине. Рассказчик помнит все настолько хорошо, что жалеет о почти формальном: «не помню ряд и место, где Ты тогда сидела» [5: 12]. Главное в этих воспоминаниях то, что он чувствовал, находясь с Ней: «*Но мне рядом с Тобой было тепло*» [5: 12].

Саморефлексия рассказчика в тексте «Наедине с Осенью» фиксирует модель поведения, типичную для представителя традиционной культуры, главная задача которого заключается в следовании природной гармонии. В рассказе музыка символизирует равновесие. Рассказчик чутко вслушивается в ее звуки, «замерев», потому что мелодия в тексте, как и гармония, тихая и хрупкая. Подробно описаны ее характеристики: «*невесомый смычок*», «*ветерок тонко и нежно подыгрывал*», «*струны паутины*», «*лучи плавно скользили*», «*неприметные клавиши*» [5: 5]. Особый звуковой ряд улавливает повествователь в рассказе «Лебединая песня»: лебеди «трубили»; «лес стал чистым и звонким»; «ничто не задерживало звуки»; «минорная музыка осени» [5: 141-142]. Мелодичность повествования подчеркивает символика арфы, в которую превратилась стая, заиграв «*печальную мелодию озер и болот*» [5: 146].

Природа знает не только меру звучания, но и молчания. В рассказе «Медвежьей горе» медведица, потерявшая своих медвежат, испытывает чувства, свойственные человеку (со слов старого охотника Ефрема). Параллелизм передают метафоры и сравнения: «мать», «детки», «рехнулась

от горя», «она застонала, вернее зарыдала, как человек-мать». Молодые охотники и весь растительный и животный мир вокруг внимательно слушают историю матери и ее детей. Четыре предложения подряд, начинающиеся с глагола «молчали», объединяют не только действия, но и настроения слушающих, уравнивают человека, дерево, звезды, огонь. О.К.Лагунова называет это «встречей «своих», для которых расстояние – не преграда, чтобы услышать, понять, отозваться» [6: 69-70].

Это ощущение «своего», неразрывной связи с ним отражает и повествовательная структура рассказа: события описаны с нескольких точек зрения, что отсылает к фольклорной традиции, не знающей авторства [7: 230]. Еще одно соответствие с угорским устным народным творчеством прослеживается в сопереживании животному, которое выражает старый охотник. Как отмечают исследователи, в хантыйской культуре певец или рассказчик настолько сильно старался войти в образ, что максимально самоидентифицировался с ним [8: 38]. Аналогии присутствуют и в других рассказах хантыйского прозаика, где рассказчик, повествователь или персонаж сопереживает земле («Время дождей»), дереву («В урмане»), реке («Последний рейс»), животному («Лебединая песня»). Это проникновение в природный мир, его открытие возможно благодаря ситуации встречи. Часто в этот момент происходит и встреча повествователя с героем. Например, в рассказе «Последний рейс» в описании красот гордой сибирской земли происходит наложение кругозоров героя и повествователя: *«Сколько лесов вырубил на этой некогда щедрой реке Аган, сколько воды ее перемутили катера, сколько леса ей перечесали лесорубы с ружьем, а зверь-птица еще не перевелась вся»* [9: 9].

Встреча, таким образом, становится основной сюжетобразующей ситуацией. Рассказчик или герой в рассказах Е.Д.Айпина встречается с людьми, природным миром и памятью. В рассказах «Бездомная собака», «Божье послание», «Клятвопреступник», «Во тьме», «В урмане» встреча героя с родной землей, домом окрашена грустью, поскольку он лишается всего этого. Потеря подчеркивает ценность того, что соотносится с идеей вечного жизненного начала. По словам А.М.Сагалаева, это одно из важнейших представлений в концепции бытия угорской культуры [10: 21].

В целом цикл рассказов «Время дождей» фиксирует новый уровень общественного сознания хантыйского народа, его поворот к истории и народной культуре. Сравнительный анализ рас-

сказов позволяет говорить об определенном типе повествователя в данных текстах. Это человек, выросший или живущий в недрах родной хантыйской культуры, бесконечно преданный своей земле и народу.

В отличие от ранних рассказов Айпина, где о любви практически не упоминается (за исключением «Лебединой песни», «Осени в Твоем городе»), в книге «Река-в-Январе» данная тема становится ведущей. Лексема «любовь» встречается лишь в некоторых рассказах – «В мир вечного покоя» и «В окопах, или Явление Екатерины Великой». В остальных повествователь или рассказчик вспоминают о возникшем или потенциально возможном любовном чувстве. Встреча с героиней не просто меняет жизнь героя, она подчеркнута чудесна, даже если им суждено расстаться. Например, в тексте «В мир вечного покоя» рассказчик размышляет: *«какая-то необъяснимая магическая сила оберегала нашу любовь от всех посторонних, оберегала от всего любопытного и суетного мира»* [5: 137].

Можно отметить, что субъект повествования в рассказах книги «Река-в-Январе» отличается выраженным стремлением к рефлексии. Если в рассказах, относящихся к раннему периоду творчества Айпина, повествователь или рассказчик, как правило, занят преимущественно познанием окружающего мира (оппозиции «своя»-«чужая» культура и обычаи, традиционный и современный уклад жизни), а его личная история – фон, который помогает создать общее впечатление о происходящем, то в «Реке-в-Январе» индивидуально-личное выходит на первый план. Ситуация встречи, отмеченная еще в ранних рассказах, развивается в отношениях героя с героиней. Воспоминания мужчины о любимой женщине становятся ведущей темой, что акцентировано в Прологе: *«Он любил – и был любим»* [5: 6].

Неслучайно практически во всех текстах субъект повествования – рассказчик, за исключением произведений «Время дождей» и «Лебединая песня». Повествование от первого лица характеризуется, как известно, высокой степенью индивидуальности, субъективности изложения, в то же время специалисты отмечают ограниченность такого повествования точкой зрения повествователя, его опытом и кругозором [11: 98]. Рассказчик-мужчина в книге «Река-в-Январе» выделяет крупным планом только одно субъективно значимое для него воспоминание – встречу с Ней. Значимость этой встречи концентрирует точку зрения рассказчика на возлюбленной: *«<...> в тебе была магическая сила. Ты являлась центром Вселенной»* [5: 27]. Любимая – это точка отсчета, отношения с ней – особый

мир, отграниченный от окружающих: «Вышел из палатки, как будто из другого, нежного и прекрасного мира» [5: 175].

Безграничность как важнейшая характеристика любви актуализирует совмещение кругозоров повествователя и героя. Так, противоречивое чувство, рождающееся в душе героя рассказа «Парижанка», описано повествователем, но тесно связано с восприятием Джереми: «Несомненно, в ней было что-то такое необъяснимое, мистическое, мифическое, колдовское <...> В ней теплое и завораживающее было сильнее, чем непонятное и непостижимое» [5: 189]. Представление о любви, таким образом, отражает не только личные ощущения героя, но и концепцию бытия в архаичной культуре, что актуализирует национальную идентичность автора. Описанное А.М.Сагалаевым понимание земной жизни лишь как одной из «фаз бесконечного круговорота» предполагает, что исторический процесс характеризует «не поступательное движение вперед-вверх, а тщательное и многократное переживание уже имеющегося» [10: 139].

Возникая неожиданно, любовь в рассказах Айпина внезапно прерывается смертью или разлукой, чтоб появиться снова, но уже в другое время. Ее неиссякаемая энергия отражает неразрывную связь всего сущего. Поэтому формула «Он-Она» трансформируется в «я-мы», символизируя беспредельность Вселенной. Непосредственно в тексте данную формулу актуализирует финал рассказа «В полете в бездну»: ««я – мы» будем вечно летать в неземном пространстве и наслаждаться вечной и последней любовью. «Мне – нам» хорошо, и, кроме «меня – нас», никого не существует, и «мне – нам» ничего ни от кого не нужно» [5: 74].

Неразрывность личного и всеобщего подчеркивает и сложная повествовательная структура рассказа. Организующая роль в нарративной организации текста принадлежит безличному повествователю, поведавшему о тяжелом детстве героя: «В наплывающих сумерках рыжее пламя выстрела полоснуло его по памяти и на мгновение отбросило его в далекое детство <...>»; «Он вернулся на свой табурет и снова подставил пятки к гудящему огню» [5: 37]. Повествователь не только определяет логику рассказа о событиях, он объясняет значимость поступков героя, особенно детских, стараясь создать впечатление очевидца происходящего. Так, описывая, как маленький Ваня, бегая до школы босиком, греет ноги у огня, повествователь комментирует: «<...> поджаривал на огне голые пятки... Вся премудрость заключалась в том, чтобы вытянуть в себя как можно больше тепла, чтоб хва-

тило до самой школы <...> Грея пятки, нужно сидеть неподвижно и смотреть на пламя» [5: 37-38].

Однако в эпизодах, характеризующих эмоциональное состояние героя, наблюдается совмещение голосов повествователя и героя: «Долго не мог заснуть Иван Андреевич. Не давал покоя возжак глухариной стаи. И зачем только выстрелил в него?» [5: 51]. Несобственно-прямая речь, как поясняет Н.А.Николина, демонстрирует развитие субъектно-речевого плана персонажа и диалогизацию авторской речи, позволяет последовательно выразить точку зрения героя [11: 98]. Данный прием наблюдается и в других рассказах книги. Синтаксически эффект эмоционального сопереживания герою часто передается восклицательными и вопросительными знаками: «Вот это охота!» [5: 44].

Нарративная структура в рассказах книги «Река-в-Январе», таким образом, носит контаминированный характер: повествование от третьего лица, ориентированное на передачу событий, сочетается с несобственно-прямой речью, фиксирующей эмоциональное состояние героя здесь и сейчас. Точки зрения героя и повествователя взаимодействуют в структуре текста, позволяя объяснить сложные причинно-следственные связи между событиями.

Данная взаимозависимость актуализирует основополагающую для эстетики Е.Д.Айпина категорию связи всего со всем, обеспечивающую равновесие в мире. Интуиция гармонии человека с окружающим миром [12: 8-9], неслучайности существования актуализированы формулой «я – мы», несущей множество смыслов: человек и его род, личность и история, народ и его место в мировой цивилизации. Какая бы из этих составляющих ни скрывалась за указанной формулой, главное – это отношения тождества, заключенные в ней. Это тождество малого и большого осознается автором как великая ценность [13: 96].

1. Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы. – М.: Наука, 1971. – С. 199 – 207.
2. Успенский Б.А. Поэтика композиции. – М.: Искусство, 1970. – 225 с.
3. Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 240 с.
4. Лагунова О.К. Онтологические повести В. Распутина и А. Неркаги: национальная идентичность и проблемы типологии // Проблемы национальной идентичности в русской литературе XX века: Коллективная монография / Науч. ред. Т.Л.Ры-

- бальченко. – Томск: Издательство Томского университета, 2011. – С.109 – 124.
5. *Айпин Е.Д.* Река-в-Январе. – СПб.: ООО «Миралл», 2007. – 207 с.
6. *Лагунова О.К.* Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е.Айпин, Ю.Вэлла, А.Неркаги). – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2007. – 260 с.
7. *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – 239 с.
8. *Айпин Е.Д.* Клятвопреступник: Избранное. – М.: Наш современник, 1995. – 423 с.
9. *Лукина Н.В.* Предисловие // Мифы, сказки, предания хантов и манси. – М.: Наука, 1990. – С. 5 – 58.
10. *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 155 с.
11. *Николина Н.А.* Филологический анализ текста. – М.: АCADEMIA, 2003. – 256 с.
12. *Лагунова О.К.* Введение // Русский мир в отечественной литературе: этнофилологический аспект: Коллективная монография / Под ред. С.А.Комарова. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П.Ершова, 2011. – С.4 – 12.
13. *Комаров С.А., Лагунова О.К.* В.Г.Распутин как этнограф («Откуда есть пошли мои книги») // Время и творчество Валентина Распутина. – Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2012. – С.90 – 96.

THE FEATURES OF THE NARRATIVE STRUCTURE IN E.D.AIPIN'S SHORT STORIES

J.A.Gavriluyk

The comparative study made it possible to highlight the features of the narrative structure in the stories of Eremey Aipin. The trend towards individualization, subjectivity of presentation is found in the later works of the Khanty writer and is related to the post-Soviet state of the artistic consciousness determined by the development of the newly created written literatures in northern West Siberia.

Key words: short story, narrative structure, impersonal narrator, personal narrator, traditional culture, connection.

* * * * *

Гаврилюк Юлия Александровна – аспирант кафедры русской литературы Тюменского государственного университета.

E-mail: rijuliya@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.05.2013